

Христова, здѣсь шевелится мысль о новомъ искупленіи, о новомъ спасеніи. Если Христось... не смогъ, и Церковь... лжетъ, то не ужели же Толстой, какой онъ ни будь съ человѣческой стороны, и мы, если за нимъ понатужимся,—*можемъ!* Если Христось не воскресъ, и суетна наша старая вѣра, то жизнь и смерть Толстого, отстраняя эту старую вѣру, развѣ въ силахъ дать жить новою вѣрой?

Какъ въ жизни Толстой не рѣшилъ страшной антиноміи, но безнадежно рѣшалъ, такъ и уходомъ, и смертью рѣшалъ, не рѣшивъ... Смерть Толстого—послѣднее крушеніе его вымогательства чуда отъ себя.

Весь душевный обликъ Льва Николаевича, всѣ настроенія и стремленія послѣдней полосы его жизни, послѣдніе дни, уходъ,— все это удивительно христіанское по внѣшности; и здѣсь большой и страшный соблазнъ для всѣхъ, утратившихъ живое чувство подлиннаго, церковнаго христіанства, обаяніе религіи истинной, исторической.

Здѣсь въ фактахъ жизни Толстого, такъ же какъ и въ его богословствованіи, въ евангелизмѣ его,—страшно обманывающая видимость христіанская, безтайное христіанство отъ рукъ человѣческихъ, Толстовскихъ упрямыхъ рукъ.

Несопротивленіе, недѣланіе, опрощеніе, воздержаніе, смиреніе, подвижничество, отказъ отъ міра, кротость, самоотверженіе и любовь, наконецъ, радость умирающаго, моленіе о смерти какъ высшемъ и готовность къ ней,— все это явственно христіанскіе психологическіе узоры. Однако въ нихъ не достаетъ чего-то самаго главнаго, какой-то такой единственной черточки, отсутствіе которой обезсиливало Толстого, раздѣляло его съ церковью психологически, какъ раціоналистически-протестантская догматика раздѣляла религіозно. Отсутствіе подлинной черточки обращаетъ несопротивленіе въ протестантство, недѣланіе въ страшное дѣло чудотворенія, опрощеніе въ своеволие, въ прихоть, смиреніе въ бунтъ. И такъ потому, что здѣсь не во Христѣ спасеніе, а самъ человѣкъ спасаетъ себя, собственными усилиями спасается самъ и одинъ... „Самъ одинъ живу, самъ одинъ и умру“...

Оторвавшись отъ міра, отъ исторіи, быта, семьи, Толстой вѣрилъ въ самоспасеніе, въ то, что онъ и всякій человѣкъ, стоитъ только захотѣть, хорошенько постараться, да понавалиться всею